
Надежда Соколова
Корни Пустоши
18+

Надежда Соколова
Корни Пустоши

https://litres.ru/74760864
SelfPub; 2026

Аннотация

Мертвая, серая пустошь. Земля покрыта пеплом, растительность уничтожена. Из-за отсутствия озонового слоя солнце выжигает всё живое, а температура днем поднимается до невыносимых значений. Ночью же температура падает ниже нуля. Постоянные токсичные туманы и кислотные дожди делают жизнь на поверхности невозможной.

Оазис: Это не просто поселение, а биокупол, выросший вокруг корней древнего Дерева и питаемый энергией ТЭЦ. Внутри купола создан искусственный микроклимат: вечная весна, высокая влажность и насыщенный кислородом воздух. Здесь всегда тепло, идет мягкий дождь, а земля покрыта густой, сочной травой. Оазис — это единственный островок настоящей жизни в океане смерти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Надежда Соколова
Корни Пустоши

Глава 1

Глава 1. Синий четверг

Будильник на телефоне Димы Дмитриевича орал так, будто его пытали. Звук был пронзительным и настойчивым, но привычным для Димы — он уже научился игнорировать первые несколько секунд этого утреннего кошмара. Не открывая глаз, он ткнул пальцем по экрану, отключив назойливый звук. За окном была всё та же серая каша: октябрьский день в спальном районе окрашен в тусклые тона серого асфальта и свинцового неба. Единственным ярким пятном оставалась красная неоновая вывеска "Пятерочки" через дорогу, которая горела даже днем.

В комнате пахло пылью и перегретым пластиком. Балкон у Димки давно превратился в неофициальную свалку района. Старые системные блоки, мотки витой пары, коробки из-под пиццы... Мать раз в месяц грозилась выбросить этот хлам, но каждый раз останавливалась у порога балкона, боясь зайти дальше из-за "радиации". Она шутила, что там опасно, хотя на самом деле просто не хотела трогать это ско-

пище электроники.

— Дим! Ты опоздаешь! — крикнула мама из коридора. — Физрук опять звонил!

С трудом натянув толстовку с капюшоном (черная, конечно; на спине когда-то красовался логотип какой-то киберспортивной команды, но после множества стирок ткань потрескалась, превратившись в грязное пятно), Дима вышел из комнаты. В школе ничего не изменилось. На первом этаже пахло хлоркой и столовской подливой. Проходя мимо охранника, Димка старался держаться поближе к стенке, чтобы избежать его пристального взгляда. У них давняя холодная война: охранник считает, что капюшоны в помещении — проявление неуважения, а Дима уверен, что свисток охранника раздражает барабанные перепонки сильнее любого шума.

На уроке физики он смотрел в окно не потому, что ему интересен пейзаж, а потому, что фасад дома напротив привлекал его внимание. Там рабочие вешали новый кондиционер. Дима заметил, что внешний блок закреплен криво – всего на два сантиметра ниже левого края. Он знал, что зимой эта деталь обледенеет, стечет водой прямо на проводку и закоротит. И никто, кроме него, этого не заметит, пока не запахнет паленым.

Когда учительница вызвала его к доске ("Закон Ома"), Дима встал. Внутри было пусто и холодно, словно кто-то выключил все чувства. Он промямлил что-то про напряже-

ние, силу тока и сопротивление, пытаясь вспомнить формулы, которые видел лишь мельком во время подготовки к контрольным работам. Учительница равнодушно поставила двойку, сказав: "Садись".

"Ну и ладно", — подумал Дима. Для него двойка по физике — не проблема. Это проблема учителя, которой потом придется заполнять электронный журнал.

После уроков Дима не спешил домой. Вместо этого он спустился в школьный подвал. Здесь всегда тихо. Пахло сыростью и землей, иногда — котами. Это был его личный бункер. Он сел на ящик из-под старых проекторов и достал телефон. Но не ради соцсетей или игр. Он открыл форум "Выживальщики.рф".

Это стало его guilty pleasure — тайной ролевой игрой. Виртуальный Дима был лидером отряда, умел собирать рации из фонариков и знал лучшие места для засады в панельном доме. Он читал статьи о том, как очистить воду кипячением и костром, где лежат сухпайки на военной базе за городом и почему банки рухнут через неделю без электричества.

Закрыв форумы, он посмотрел на часы. Было 15:40. День тянулся медленно, как густое варенье.

Вечером, возвращаясь домой, Дима прошел мимо старой трансформаторной будки возле подъезда. Железная дверь приоткрыла, висел замок, но он не был заперт цепью, а просто наброшен на петли. Словно кто-то заходил внутрь и забыл закрыть.

Внутри стояла тишина, нарушаемая только гулом старого оборудования. Воздух пах озоном — таким запахом бывает после сильной грозы. Желтая лампа под потолком мигала, отбрасывая тени на стены. Один из рубильников, тот, который вел к их дому, был опущен вниз. Возможно, выбило пробки.

Дима протянул руку к ручке рубильника. Он сделал это неосознанно, почти машинально. Просто хотел проверить, работает ли электричество. Или, может быть, он надеялся почувствовать себя героем тех форумов, где люди обсуждали выживание в экстремальных условиях.

И в этот момент мир моргнул. Не было ни взрыва, ни яркой вспышки. Просто звук — как если бы порвали гигантскую простыню. Гул трансформатора исчез. Запах озона испарился. Даже дождь перестал барабанить по крыше будки.

Вжжжжик...

Миг — и всё вокруг замерло.

Глава 2

Глава 2. Гул исчез. Запах озона и горячего металла выветрился мгновенно, сменившись чем-то густым, сладковатым и тошнотворным — запахом гниющих фруктов и раскаленного асфальта. Дима открыл глаза. Вместо тусклой желтой лампы аварийного освещения надо ним висело белое, выцветшее небо. Солнце стояло в зените и било прямо в лицо, заставляя щуриться до рези в глазах. Он сел. Подо него был не бетонный пол подстанции, а брусчатка, покрытая слоем белой пыли.

Он поднял руку, чтобы закрыться от света, и замер. Где он? Он огляделся. Это была площадь. Посреди неё торчал высохший фонтан, из которого, как ребра, торчали корни засохшей пальмы. Вокруг фонтана валялся мусор: пластиковые бутылки, какие-то тряпки, всё покрытое тем же белым налетом. Но главное – дома. Они были… неправильными. Облупившиеся, в подтеках, они выглядели как декорации к фильмам про войну, но на них росла зелень. Дикий виноград оплетал этажи, свисая зелеными бородами. Это был не его город. Здесь пахло морем и смертью.

– С дороги, падаль! Голос ударил по ушам. Он был хриплым, сорванным от крика. Дима вскочил на ноги, оглядываясь. По площади, прямо через площадь, бежали люди. Это

не была организованная толпа. Это был хаос.

Человек десять, одетые в такие же серые лохмотья, неслись, спотыкаясь, в сторону узкого переулка. А за ними… За ними шли другие. Они не бежали. Они шли широким шагом, методично, как на работу. На них не было лохмотьев – их одежда была темной, плотной, похожей на военную форму. И у них были палки. Длинные, металлические, с крюками на концах. Один из бегущих – парень, совсем молодой, чуть старше Диму – споткнулся и упал.

Он попытался подняться, но ноги его не слушались. Один из преследователей даже не замедлил шаг. Он просто занес свою палку-крюк и с размаху опустил её на спину упавшего. Раздался звук, от которого у Димы свело желудок. Это был не звук удара палкой по мясу. Это был хруст. Глухой, мокрый, тошнотворный хруст ломающихся костей, усиленный эхом площади.

Парень на земле выгнулся дугой и замер. Дима не закричал. Он не мог. Воздух застрял в легких. Он стоял, вжавшись спиной в остатки фонтана, и смотрел, как палач просто перешагивает через тело, даже не посмотрев вниз, и продолжает идти. Для них это было нормально. Как дождь. Как мусор на улице. Диму затрясло. Это не игра. Это не кино.

В его фантазиях на форуме "Выживальщики" всегда был смысл: ты убиваешь зомби, чтобы выжить, или мародера, чтобы забрать еду. Здесь не было смысла. Парень на земле был мертв просто потому, что упал. А эти люди в форме про-

сто шли по своим делам. Дима отлепился от фонтана. Ноги были ватными. Он сделал шаг в сторону, уходя с открытого места, и спрятался за колонну портика. Мир вокруг него рухнул окончательно.

Его мир – это школа, двойки по физике, воняющий хлоркой пол и мама, которая ворчит из-за балкона. Этот мир – это руины посреди бойни, и единственное, что он знал наверняка – это Закон Ома. Сила тока на сопротивление. Только сейчас до него дошло, насколько бесполезна эта формула здесь. Из переулка, куда убежали выжившие, раздался новый крик. Женский.

Он оборвался так же быстро, как и начался. Дима закрыл глаза, пытаясь не слушать, но звук собственного дыхания казался ему громом. Он был один. И он только понял, что форум "Выживальщики" его жестоко обманул. Там пишут, как добыть воду. Но никто не пишет, как сделать так, чтобы тебя не вырвало, когда ты видишь, как человеку ломают спину на твоих глазах, а мир вокруг этого даже не замечает.

Глава 3

Глава 3.

Дима посмотрел на трассу. Солнце начало клониться к закату, окрашивая марево в красный цвет. Он пошел вперед. Белый шум ветра больше не пугал. Он просто был фоном. Возле одной из брошенной машины он нашел рюкзак.

Дима дернул молнию туристического рюкзака. Она поддалась с глухим, влажным скрипом. Внутри было темно, но я чувствовал запах. Запах брезента, оружейной смазки и чего-то сладковатого, похожего на сухой спирт.

Он сунул руку внутрь, нащупывая содержимое. Это был не просто набор выживальщика. Это был чей-то набор. Собранный с умом, человеком, который знал, что делает.

Его пальцы наткнулись на что-то твердое, прямоугольное, завернутое в промасленную бумагу,вытащил его. Развернул. Это была аптечка. Не автомобильная пластиковая коробка, а жесткий брезентовый планшет. Внутри — плотные ряды ячеек. Бинты, жгут-турникет (настоящий, армейский, с красной стропой), какие-то ампулы в пластиковых шприц-тюбиках и ножницы с тупыми концами. Я взял один шприц-тюбик. Надпись стерлась, но я узнал цвет колпачка. Обезболивающее.

Под аптечкой лежал сверток. Фильтр для воды. Тяжелая керамическая штука с трубками, похожая на аппарат для са-

могона. Рядом — таблетки для обеззараживания, в вакуумной упаковке.

Дима копнул глубже, запуская руку в самый низ рюкзака. Пальцы нащупали холодный, гладкий металл. Нож это был тяжелый, хищный нож. Сталь тускло блеснула в свете зажигалки. Лезвие сантиметров пятнадцать, с пилой на обухе. Рукоять из кратона, с глубокими выемками для пальцев. На лезвии выбита маркировка: *Ontario SP5*. Дима провел большим пальцем по режущей кромке. Бумагу, может, и не разрежет, но заточка была агрессивной. К ножу прилагались ножны из кайдекса, на которых была клипса для ремня.

Дима сунул нож в ножны и пристегнул к своему ремню. Тяжелый вес на бедре внезапно придал уверенности.

Дима снова запустил руку в рюкзак. На самом дне пальцы наткнулись на что-то прямоугольное, завернутое в плотный полиэтилен. Он разорвал шуршащую упаковку. Еда. Но не консервы. Это были брикеты. Плотные, спрессованные, похожие на куски хозяйственного мыла. На обертке — надписи на незнакомом языке, но сбоку — понятные цифры калорий и таблица белков. Сойдет. Рядом лежали три вакуумных брикета. Рис. Гречка. Что-то похожее на сублимированное мясо.

Он копнул глубже. Пальцы нащупали холодный, гладкий цилиндр. Фляга. Алюминиевая, в чехле из кордуры. Полная. Дима свинтил крышку. Внутри был не просто фильтр, а что-то вроде фильтра-воронки, понюхал. Пахло резиной и ме-

таллом, но не тиной.

В самом дальнем углу, в отдельном кармане на молнии, лежало что-то плоское и твердое, завернутое в промасленную бумагу, развернул это был не нож. Это был компас. Тяжелый, в металлическом корпусе. Жидкость внутри капсулы застыла. Я потряс его. Игла дернулась и замерла, указывая на север.

И последнее. На самом дне, под всеми пакетами, лежал плоский, тяжелый прямоугольник, завернутый в промасленный брезент. Это был тент. Не просто кусок брезента. Это была настоящая палатка-пончо, камуфляжная, с кучей строп, петель и алюминиевыми колышками в отдельном мешочке.

Он посмотрел на трассу. Солнце начало клониться к закату, окрашивая марево в красный цвет. Белый шум ветра больше не пугал. Он просто был фоном.

Закинул на плечи новый рюкзак. Он сидел плотно, распределяя вес. И пошел вперед. Нож бил по бедру в такт шагам.

Дима шел, пока солнце не начало падать за край мира, превращая рыжую глину в расплавленное золото. Тень от моего тела вытянулась вперед, указывая путь, как стрелка компаса. Белый шум ветра в ушах стал привычным, как дыхание.

Он искал место для ночлега. В чистом поле ночевать нельзя. Ночью температура рухнет, а твари, которые прячутся от

солнца, выйдут на охоту.

Его внимание привлекло что-то темное, торчащее из земли метрах в пятидесяти от трассы. Это была не скала. Это была машина. Старая, гражданская легковушка, полностью поглощенная землей и пылью. Она лежала на боку, крыша прогнулась внутрь, но кузов выглядел целым.

Обычная серая легковушка. Двери были сорваны с петель — мародеры здесь уже побывали. Я заглянул в салон через пустой проем двери. Внутри воняло гарью, раскаленным пластиком и чем-то сладковато-гнилым.

Дима заглянул в багажник. Пусто заглянул в салон. На пассажирском сиденье валялся разодранный детский рюкзачок, из которого вывалилась кукла с оторванной головой. На приборной панели — россыпь старых CD-дисков.

Он уже хотел уходить, когда заметил это. Задняя дверь. Она была не сорвана. Она была приоткрыта. И за ней было темно.

Дима подтянул свой новый рюкзак, проверил, легко ли выходит нож из ножен, и полез внутрь. Пригнулся. Задний диван. Он был цел. Более того, он был кем-то подправлен. Кто-то отодрал подголовники и сложил спинку, превратив диван в узкую, жесткую лежанку. А на полу, в ногах, лежал свернутый туристический коврик — пенка.

Кто-то уже жил здесь. Или пытался жить.

Дима провел рукой по полу. Пыль. Но под слоем пыли — царапины. Глубокие, параллельные. Кто-то пытался

здесь что-то вскрыть. Или привязать. Я посветил зажигалкой под сиденье. Там, прижатый пружинами, лежал брезентовый сверток.

Дима с трудом выцарапал его. Развернул промасленную бумагу. Внутри лежал арбалет. Компактный, складной, из черного пластика и алюминия. Не игрушечный, а настоящий, охотничий. Тетива была спущена, но сама машина была в идеальном состоянии. Рядом, в отдельном кармашке чехла, лежал стальной колчан. Три болта. Короткие, толстые, с пластиковым оперением.

Он не умел стрелять из арбалета. Но знал, как работает натяжитель. Он рассовал болты по карманам джинсов. Арбалет, после недолгих раздумий, тоже убрал в свой старый рюкзак, Тяжелый. Пока не нужен. Нож на бедре важнее.

Солнце почти село. Температура начала падать стремительно. Сухой жар сменился пробирающим до костей холодом.

Дима снова посмотрел на диван. Он лежал в остывающем салоне мертвой машины. Снаружи, в темноте, ветер гнал по трассе пыль и перекати-поле. Звук был похож на шепот тысяч людей. Дима лежал в своем новом спальнике, в чужой машине, сжимая в руке чужой нож.

Закрыл глаза. Он не спал. Он слушал. Слушал, как ветер скребет по крыше машины. Слушал, как где-то вдалеке, в развалинах, что-то крупное и тяжелое с грохотом падает на бетон. И слушал, как тихо, почти неслышно, шуршит песок,

оседая на крыше моей новой могилы.

Дима шел до поудня каждый шаг отдавался болью в плечах. Он смотрел только под ноги, на свои кроссовки, подошва которых начала отслаиваться.

Дима поднял голову, лишь когда тень на асфальте изменилась. Она стала слишком густой. Слишком черной. Словно само солнце испугалось того, что отбрасывало эту тень.

Он вышел на широкую площадь. И там, посреди выжженного бетона, росло Оно.

Это было дерево. Но таких не бывает. Оно не росло из земли, оно впивалось в неё. Ствол был черным, глянцевым, словно обугленная кость, и в ширину — метров десять. Оно не тянулось к небу, оно расползалось по площади, давя собой остатки автобусной остановки. Ветви были похожи на скрюченные, высохшие пальцы, а корни вздыбили асфальт, как ребра погребенного гиганта. Оно было мертвым. Абсолютно. Ни одного листочка. Но воздух вокруг него казался... тяжелым. Давящим. Дима почувствовал, как заложило уши, а в затылке появилась тупая боль. От него пахло не просто пылью — пахло озоном, как после удара молнии, и сладковатой гнилью.

А вокруг него стояли люди. Горстка. Человек двадцать. Разномастная толпа оборванцев. Это не была очередь за водой. Это был лагерь падальщиков. И я впервые увидел Отсутствие Нормы.

В десяти метрах от него, прямо на ступеньках того, что

раньше было банком, трое подростков прижали к стене пухлую девушку. Один держал её за волосы, второй — приставил к её шее длинный, зазубренный нож.

— Смотри, какой жирный поросенок, — сказал тот, что с ножом. Голос был скучающим, ленивым. — Теперь у нас есть много мяса.

Девушка не кричала. Она только тихо, по-собачьи скулила, закрыв глаза.

Дима оглянулся на остальных. Люди в тени мертвого Дерева. Один — старик с бельмом на глазу — просто отвернулся, продолжая жевать сухую лепешку, будто смотрел скучный сериал. Другой — здоровый мужик в рваной военной куртке — усмехнулся и сделал жест рукой, мол, «давай, парень, развлекайся». Никто не двигался с места. Норма морали сдохла вместе с городом. Здесь выживал сильнейший, и мясо было просто мясом.

"Просто иди мимо. Не смотри. Это не твое дело".

Дима-до-апокалипсиса прошел бы мимо. Дима, который боялся охранника в школе и не заступался за тех, кого травят. Тот Дима сделал бы вид, что завязывает шнурок, и ускорил шаг. Потому что так безопаснее. Потому что "моя хата с краю".»

Но того Димы больше нет. Тот Дима остался в трансформаторной будке, сгорел от тока. Этот мир содрал с него кожу. И под ней оказалось то, что он так старательно прятал всю жизнь. Дима ненавидел несправедливость. Его бесит,

когда сильный бьет слабого просто потому, что может. Это... неправильно. Это ломает логику мира. А если мир сломан, зачем соблюдать его правила.

— Эй, — крикнул он. Голос сорвался на хрип.

Парень с ножом повернул голову. Его лицо было покрыто коркой из грязи.

— Чё надо, дистрофик?

— Отпусти её.

Тот, что держал девушку, отпустил её и шагнул ко мне.

— О, защитник подтянулся. Хочешь стать десертом?

Дима не двигался. Он смотрел на нож. Он не умел драться. Он знал только то, что в фильмах герои красиво уворачиваются. В реальности всё закончится одним ударом в печень. Старик с бельмом вдруг поднял голову.

— Не лезь, щегол. Это закон Тени. Слабый кормит сильного.

— Это не закон, — процедил я. — Это гниль.

Парень с ножом шагнул ко мне, занося руку. Дима не стал ждать просто упал на колени. Резко. И сунул руку под тряпье, которым был накрыт мой рюкзак, стоящий

Мои пальцы нащупали холодный, тяжелый металл. Монтировка. Та самая, короткая, с гвоздодером, которую нашел в грузовике в котором спал ночью. Он не замахивался просто ткнул ею снизу вверх, под выставленное бедро парня.В пах.

Нападавший не заорал. Воздух просто вышел из его легких со свистом. Он рухнул на колени, выронив нож. Нож

звякнул о бетон.

Второй, что держал девушку, замер на секунду. Этой секунды хватило. Девушка, вместо того чтобы бежать, извернулась и вцепилась зубами ему в запястье. Он взвизгнул.

Дима вскочил на ноги. Подхватил с земли нож, выпавший у первого. Он просто выставил его перед собой, перехватив лезвие у основания, как кастет.

— Назад.

Они не ожидали такого. Трое на одного. Они были сильнее. Но Он не играл по их правилам. Дима принес свою боль. Они отступили.

Старик с бельмом медленно поднялся. Он смотрел не на меня. Он смотрел на монтировку, которую я всё еще сжимал в руке.

— Интересный щегол, — протянул он. — Зубастый.

Дима подошел к девушке. Она сползла по стене, всхлипывая.

— Ты цела? Она кивнула, размазывая грязь по лицу.

Дима вытащил флягу с остатками воды. Подошел к девушке и протянул ей.

— Пей.

Она смотрела на меня так, будто я протянул ей гранату. Она взяла бутылку дрожащими руками.

— Идем, — сказал он ей. — Если будешь идти рядом со мной, тебя не тронут. Пока.

Глава 4

Мы шли молча девушка брела рядом, старалась шагать в ногу со мной, но её ноги заплетались от пережитого страха.

Солнце начало клониться к закату, окрашивая марево в кроваво-красный цвет. Тень от моего плеча вытянулась на добрый десяток метров.

— Ты... ты их убил? — вдруг тихо спросила она, не поворачивая головы. Она смотрела только на асфальт.

Мы шли молча. Лиза брела рядом, прижимая к груди рюкзак, как спасательный круг. Она старалась шагать в ногу со мной, но её ноги заплетались от пережитого страха.

Солнце начало клониться к закату, окрашивая марево в кроваво-красный цвет. Тень от моего плеча вытянулась на добрый десяток метров.

— Ты... ты их убил? — вдруг тихо спросила Лиза, не поворачивая головы. Она смотрела только на асфальт.

— Нет, — ответил Дима.— Просто сделал очень больно. Он встанет через час. Если не истечет кровью.

Он сказал это буднично. Как о погоде. И сам удивился, насколько легко теперь врут мои губы.

-Как тебя зовут?

-Лиза

-Дима.

Лиза поежилась, плотнее запахиваясь в свою куртку. Она

была одета чуть лучше меня — плотный плащ, но он был ей велик и болтался, как на вешалке.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Подальше от этого дерева, — бросил Дима. — Там... там что-то не так. Воздух давит.

— Это Корни, — сказала она так, будто это всё объясняло. — Оно их чувствует.

— Кого? — не понял Дима. — Избранных.

Дима покосился на неё. Она смотрела на свои руки. На её пальце не было кольца, но на запястье виднелся след от широкого браслета — кожа была светлее.

— Раз в сто лет дерево дает семечко раз в сто лет. Знаешь почему? Не потому, что оно редкое. А потому, что оно *жадное*. Оно копит энергию. Оно спит столетиями, фильтруя радиацию, собирая её в своих корнях, как в свинцовом ящике. И оно ждет. Не святого. Не героя. Оно ждет того, кто *чинит*. Того, кто не согласен, что всё должно гнить.

Дима фыркнул. Очередная сказка для идиотов.

— Оно опускало ветку, — добавила она, не обращая на меня внимания. — Или корень. И отдавало семечко. Прямо в руки.

— А потом? — спросил Дима, просто чтобы заполнить тишину.

— А потом... — она запнулась. — Потом мир сошел с ума.

Мы прошли мимо остова перевернутого автобуса. Внутри, на вросшем в землю сиденье, лежал скелет, обтянутый

высохшей кожей. Лиза сглотнула и прижалась ближе ко мне. Не потому, что доверяла. Просто рядом с моей монтировкой было чуть менее страшно.

— А твои? — спросил Дима вопрос вырвался сам.

Он не хотел говорить о своем, но тишина давила сильнее, чем рюкзак.

— Твоя семья. Они... где?

Лиза остановилась. Она смотрела на скелет в автобусе.

— Мама... мама была умной. Когда всё началось, она не пошла к мэрии. Она не пошла в убежище. Она сказала, что там будет давка.

Её голос стал плоским, лишенным эмоций. Как у робота.

— Мы пошли в старую больницу. В подвал. В морг. Там стены толстые, а на дверях — замки для моргов. Их не выбить.

Дима слушал, затаив дыхание. .

— Мы сидели там три дня, — Лиза обхватила себя руками, хотя было жарко. — Слушали, как наверху... как они кричат. А потом... потом крики стихли. И мы услышали, как кто-то ходит по кафелю. Слишком тяжело для человека. И этот звук... *цок-цок*. Как когти. Или как металл по плитке.

Она закрыла глаза.

— Мама сказала мне лезть в холодильную камеру. «Спрячься за телами, Лиза. Не дыши». Она закрыла дверь.

Лиза замолчала. Она крутила в руках пуговицу на своем плаще.

— Я сидела там... я не знаю сколько. День? Два? Там воняло формалином и кровью. Я слышала, как они ходят мимо. Как они что-то вытаскивают из других камер. Как... как рвется ткань.

Она подняла на меня свои огромные, испуганные глаза.

— Когда всё стихло, я вышла. Она обвела рукой вокруг, указывая на мертвый город. — Наверху никого не было. Ни мамы. Ни врачей. Ни... никого. Только пакеты. Некоторые были открыты.

— Мне жаль, — сказал Дима. Это прозвучало глупо. Пусто.

— Ничего, — она криво улыбнулась. — Зато у меня теперь есть ты.

Она впервые посмотрела на меня не как на случайного прохожего. Как на якорь.

— У тебя ведь тоже никого нет? — спросила она. — Ты не из этих, у Дерева. Ты... чистый.

Дима не ответил. Солнце село. Становилось холодно.

— Скоро ночь, — сказал он. — Нам нужно найти место, где можно запереться. Снаружи. Не в зданиях. В зданиях они... они уже живут.

Солнце рухнуло за горизонт мгновенно, как выключили рубильник. Жара не спадала, но свет исчез, превратив пейзаж в набор изрезанных теней. Температура начала падать с пугающей скоростью.

— Нам нужно укрытие, — сказал Дима, останавливаясь.

— Открытое место. Под эстакадой или в остове машины. В дома нельзя.

Лиза кивнула, плотнее запахивая плащ. Она дрожала, но не от холода. От тишины. Ночь в этом городе не приносила покоя — она приносила чужие звуки.

Дима свернул с трассы. Мы нашли неплохое место — перевернутый бензовоз, лежащий на боку. Пространство под его днищем создавало сухой, глухой карман, закрытый от ветра с трех сторон.

Он начал разгружаться. Первым делом вытащил брезент. Развернул его, создавая дополнительную стену со стороны открытого пространства. Затем достал пенку и спальник.

— Ложись, — кивнул я на пенку. — Я подежурю.

Лиза не спорила. Она молча забралась в спальник, всё еще не выпуская медведя. Она свернулась в клубок, превратившись в маленький дрожащий комок. Дима сел спиной к колесу бензовоза, положив монтировку на колени. Нож — в руке, лезвием вдоль предплечья. Он сидел в темноте. Слушал, как Лиза пытается дышать ровно. Слушал, как вдалеке, в мертвом городе, что-то с грохотом падает на бетон.

Рука в кармане куртки нащупала что-то маленькое, твердое и угловатое. Не зажигалку. Не ключи.

Дима замер. Пальцы сами вытащили предмет. Поднесли к глазам. В свете луны, пробивающемся сквозь металл, блеснуло белое.

Семечко. Оно было здесь. В кармане. Как? Когда? Оно не

было ледяным, как тогда. Оно было теплым. Почти горячим. Как будто внутри него что-то билось.

— Дима?- Голос Лизы раздался прямо над ухом.

Дима вздрогнул, чуть не выронив семечко. Лиза проснулась. Она сидела в спальнике, глядя на его руку широко раскрытыми, абсолютно черными в темноте глазами.

— Что это? — прошептала она.

Дима разжал пальцы. Лиза смотрела не на меня. Она смотрела на семечко. Её лицо изменилось. Страх, который был на нём секунду назад, исчез. На его место пришел чистый, незамутненный, первобытный ужас.

Она отшатнулась, вжавшись спиной в колесо бензовоза. Она начала мелко креститься дрожащей рукой.

— Нет... — выдохнула она. — Нет-нет-нет. Убери. Выброси.

— Это просто семечко, — сказал он, но голос прозвучал неуверенно. — Правда я не помню как его нашел...

— Это Дар, — прошептала она. Голос сорвался. — Оно выбрало тебя.

Она смотрела на семечко так, будто это была гремучая змея.

— Легенды... Корни... Они опускаются только к тем, в ком есть... Пустота. Или Сила. Оно не дает его просто так! Оно метит тебя!

Она попыталась отползти еще дальше, но уперлась в металл.

— Они придут за тобой, Дима. Те, кто живет в тени Дерева. Они чувствуют метку. Они чуют его запах за километры. Они вырежут его из твоей груди, пока ты будешь спать!

Её начала бить крупная дрожь. Она смотрела на него не как на спасителя. Она смотрела на меня как на ходячий труп. На прокаженного.

Дима сжал семечко в кулаке. Оно жгло ладонь.

— Успокойся. Это просто...

— Это Слово, — перебила она. — Дерево говорит через него. Оно теперь говорит через тебя.

Дима посмотрел на свою руку. На этот маленький белый овал. Он хотел его выкинуть. Швырнуть в темноту, в кусты, чтобы Лиза перестала смотреть на меня такими глазами.

Но не разжал кулак. Он спрятал его в карман, подальше от её взгляда.

— Спи, — глухо сказал я. — Я покараулю.

Лиза не легла. Она так и осталась сидеть, подтянув колени к подбородку, и смотрела на мой карман. Она боялась не тех, кто снаружи. Она боялась того, кто сидел рядом с ней.

Дима сидел в тишине, прижимая к колену теплую монтировку, и впервые за всё это время ему стало по-настоящему одиноко.

Глава 5

Он сидел в тишине, прижимая к колену теплую монтировку, и впервые за всё это время ему стало по-настоящему одиноко. Лиза смотрела на него так, будто он уже мертв. Будто из его груди уже торчат черные корни. Но он не чувствовал смерти. Он чувствовал... раздражение. Усталость. И этот странный, пульсирующий жар в ладони.

— Выброси, — снова прошептала Лиза. Слезы текли по её грязным щекам, прокладывая светлые дорожки. — Выброси его, пока они не услышали!

Он посмотрел на неё. Она была ребенком. Напуганным ребенком, который услышал страшную сказку и поверил в неё. А он больше не верил в сказки. Он верил в физику. В рычаги. В то, что если вещь может помочь выжить, её нужно использовать.

— Заткнись, — тихо, но твердо сказал он. — Просто заткнись и ляг.

Лиза икнула и вжалась в колесо. Он же достал семечко из кармана. Снова. Оно было теплым. И теперь, когда он смотрел на него не как на сувенир из магазина, а как на... *это*, он заметил детали. Оно было не просто белым. Оно имело прожилки. Тонкие, серебристые, как вены на листе. И оно пульсировало. Едва заметно, в такт его собственному сердцу.

— Легенды, — буркнул он, обращаясь скорее к себе, чем

к ней. — "Дар". "Метка".

Он вспомнил мертвое Дерево на площади. Черное, гигантское. Если оно выбирало людей... значит, оно было разумным? Или инструментом чего-то разумного? А если это инструмент, то у любого инструмента есть инструкция.

— Если оно убивает, — прошептал он в темноту, глядя на семечко, — то почему оно холодное снаружи, но горячее внутри? Почему оно бьется? Он посмотрел на свои руки. В его мире, в школе, если тебе дают инструмент, ты должен научиться им пользоваться. Иначе ты — просто дурак с железкой. Ему дали семечко.

— Смотри, — сказал он Лизе. Его голос стал спокойным.

Это напугало её больше, чем его крик. Он поднес семечко к её лицу. Она дернулась, но он удержал её за плечо.

— Оно теплое. Оно живое.

— Это паразит! — взвизгнула она. — Нет, — он покачал головой. — Паразиты не греют. Паразиты забирают тепло. Он посмотрел на черный остов бензовоза над ними. На мертвое Дерево в городе.

— Всё, что я видел в этом мире — это гниль. Бетон, который крошится. Металл, который ржавеет. Люди, которые жрут друг друга. Всё умирает. Он перевел взгляд на семечко.

— Кроме этого.

Он сжал его в кулаке.

— Если эта штука — "Дар", — продолжил он, — то это не подарок на день рождения. Это... аванс. Оружие. Или броня.

Он посмотрел на Лизу. Её глаза были полны ужаса. Она не понимала. Она хотела просто спрятаться и умереть тихо.

— Они придут за мной? — спросил он. — Пусть приходят.

Он разжал кулак. Семечко лежало на ладони.

— Я не выкину его, Лиза. Я не выбрасываю инструменты.

Он сунул его обратно в карман, но не глубоко. Так, чтобы чувствовать его бедром при ходьбе. Страх Лизы был заразителен, но его злость на этот мир была сильнее. Если мир решил дать ему что-то, кроме ножа и монтировки, он это возьмет.

— Спи, — повторил он. — Если кто-то сунется, я узнаю об этом первым. Потому что я теперь... отмеченный.

Лиза смотрела на него как на сумасшедшего. Она медленно, дрожа, легла в спальник, не спуская с него глаз. Она свернулась в клубок, отвернувшись от него. Он сидел, глядя на вход под днище бензовоза. Луна вышла из-за туч, осветив его карман. Сквозь ткань проступил слабый, серебристый свет. Семечко не просто пульсировало. Оно светилось. Он не знал, станет ли оно деревом. Он не знал, сожрет ли оно его. Но он знал одно: завтра он не будет просто идти вперед. Он будет искать воду. И он будет искать землю.

Он сидел в тишине, прислушиваясь к ночи. И впервые за всё это время он улыбнулся. Пусть приходят. Лиза уснула через час. Просто провалилась в тяжелый, медикаментозный сон, вздрагивая всем телом. Её дыхание было хриплым.

Он не спал. Он сидел, прислонившись спиной к холодному металлу бензовоза. Луна скрылась, и наступила абсолютная, бархатная темнота. В такой темноте не видно даже собственных рук. Он сидел в тишине. Тишина была обманчивой. В ней не было белого шума трассы. Здесь, под днищем машины, звуки леса — треск веток, шорох — казались громкими, как выстрелы.

Его ладонь лежала на бедре, прямо над карманом. Он чувствовал Его. Оно больше не было просто теплым. Жар нарастал. Он не обжигал, он был... пульсирующим. Ритмичным. Как второе сердце, бьющееся в его ладони. Сначала он списал это на адреналин. На фантомные боли. Но потом... потом он понял, что ритм меняется.

Когда он думал о Лизе, спящей в спальнике — о том, какая она хрупкая и как ей страшно — пульсация становилась... мягкой. Успокаивающей. Словно оно соглашалось. *Да, она напугана. Мы должны защитить.*

Он вздрогнул. Это было невозможно. Галлюцинация от недосыпа. Он заставил себя разжать ладонь, хотя ему этого не хотелось. Он вытащил семечко. В темноте оно светилось. Слабым, серебристым светом, похожим на свет глубоководных рыб. Прожилки на нем налились этим светом, как провода под током.

— Бред, — прошептал он. — Дим, ты сошел с ума. Он сжал его в кулаке. И подумал о Доме. О своей квартире. О том, как пахнет кофе по утрам. О том, как мама ругалась,

что он не выносит мусор. Мысль была острой, как игла. Полной тоски и боли утраты. И в ответ на эту мысль в его голове... пахнуло. Резко. Свежестью. Дождем. Запах озона после грозы, запах мокрого асфальта и мокрой листвы. Запах того утра, когда он шел в школу под ливнем. Запах был настолько реальным, что он инстинктивно задержал дыхание, ожидая, что капли упадут на лицо. Но лицо было сухим и пыльным. *"Ты помнишь"*, — прозвучало в его голове.

Это не был голос. Голос — это вибрация барабанной перепонки. Это было знание, которое просто появилось в мозгу. Чистое, ясное понятие. Он вскочил на ноги, ударившись макушкой о днище бензовоза. Лиза дернулась во сне, что-то бормоча. Он замер, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле. Он снова сел. Медленно. Он сжал семечко. — Ты... ты это сделал? — прошептал он в темноту.

В ответ — пульсация. *Да.* Он подумал о Лизе. О её страхе. И семечко ответило волной... не жалости. Понимания. Оно транслировало чувство абсолютной уверенности. *Она под защитой. Пока ты держишь меня.*

Он подумал о тех парнях у Дерева. Об их жестокости. О том, как они пинали девушку. Семечко мгновенно похолодело. Пульсация стала резкой, агрессивной. Ритмичной. Как бой барабанов. Как жажда удара. В его голове вспыхнуло видение: черные, острые корни, пробивающие бетон. *"Гниль. Ошибка. Должны быть вырваны".*

Он отдернул руку, будто обжегся. Он посмотрел на светя-

щийся предмет в кулаке. Это не было паразитом. Это был... усилитель. Оно не читало мысли. Оно читало эмоции. Оно брало его тоску и возвращало дождь. Оно брало его злость и превращало её в жажду разрушения.

— Оружие, — выдохнул он. — Ты — гребаное оружие.

Семечко в ответ послало волну... удовлетворения. Гордости. Оно было радо, что он понял. Он сидел в темноте, глядя на свет в своей руке. Лиза тихо плакала во сне. А он впервые с момента удара током почувствовал не страх. Он почувствовал... силу. И где-то далеко, на другом конце мертвого города, под черным, мертвым Деревом, кто-то тоже почувствовал, что "Отмеченный" проснулся.

Хруст гравия. Резкий, неестественный. Кто-то шел прямо к бензовозу. Дима медленно, стараясь не шуметь, вытащил нож. Лиза зашевелилась во сне, но не проснулась. В проеме между колесами показалась тень. Человек. Он не крался, он шел уверенно, по-хозяйски. На его плече висел арбалет. Один из тех, кто живет в тени Дерева.

— Отмеченный, — его голос был спокойным, почти скучающим. — Семя поет. Мы слышали его. Отдай по-хорошему, и девчонку заберем с собой. Дереву нужны рабочие.

Он сделал шаг внутрь. Дима видел, как поблескивают его глаза в темноте. Он не боялся. Он думал, что он — просто лох с задней парты, который нашел чужой рюкзак. Внутри него всё сжалось. Холодный, привычный страх парализовал мышцы. Монтировка в руке казалась куском свинца. Он вы-

ше меня, тяжелее, и он умеет убивать. А он — просто Дима, который знает закон Ома.

И в этот момент семечко в кармане **дернулось**. Оно ударило его горячей волной в грудь. Но это была не агрессия. Это было чувство абсолютной, непробиваемой уверенности. Словно кто-то огромный и надежный встал у него за спиной и положил руки на плечи. *"Не бойся. Я здесь. Он не пройдет".*

Дима сжал семечко в кулаке, вкладывая в это движение всю свою злость на этого человека и отчаянное желание, чтобы Лиза просто продолжала спать.

"Уходи", — подумал он. — *"Оставь нас в покое".* Воздух вокруг меня не нагрелся. Он стал... плотным. Человек со щелчком взвел тетиву арбалета. Он шагнул к нему, поднимая оружие. — Последний шанс, щегол. Забирай девчонку и проваливай. Семя останется нам.

Он нажал на спуск. Щелчок сухо ударил по ушам. Болт сорвался с ложа. Дима видел его — черный, хищный силуэт на фоне серого неба. Он летел прямо мне в лицо. Он даже не успел дернуться. Но воздух передо мной стал твердым. Болт не отскочил. Он просто... **увяз**.

На расстоянии десяти сантиметров от его носа он замер в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси, словно попал в густой, невидимый кисель. Человек со щелчком взвел тетиву снова, но его пальцы замерли. Он смотрел на свой болт, застрявший в пустоте.

— Какого... — начал он.

Семечко в его кармане послало легкий, почти игривый импульс. *"Смотри"*.

Воздух вокруг незваного гостя сгустился. Это не был удар. Это было давление. Как если бы кто-то внезапно включил гравитацию в два раза сильнее. Человек не упал — он просто осел на колени, придавленный невидимой ладонью. Арбалет выпал из его рук с глухим стуком. Он попытался вдохнуть, но невидимый пресс сжал его грудную клетку. Он захрипел, царапая горло ногтями, пытаясь сопротивляться, но его мышцы отказывали.

Дима смотрел на это, не веря своим глазам. Он не чувствовал усталости. Наоборот — семечко делилось со ним своим спокойствием. Оно не высасывало из него жизнь, оно просто... уплотняло пространство вокруг, используя его эмоции как каркас. Его страх стал стеной. Его злость — прессом.

— Уходи, — сказал он вслух. Голос не дрожал. Он был ровным и тяжелым.

Дима разжал кулак. Давление мгновенно исчезло. Человек рухнул на гравий, жадно хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Он смотрел на него снизу-вверх с первобытным ужасом. Не как на врага, а как на стихийное бедствие. Дима поднялся на ноги. Ноги были ватными, но не от слабости — от переизбытка сил. Дима подошел к нему, поднял его арбалет и закинул в кусты.

«— Здесь нет Дерева», — сказал я. — Здесь только я. Иди.

Он не стал спорить. Он пополз на четвереньках, спотыка-

ясь, и исчез в темноте быстрее, чем Дима успел моргнуть. Дима вернулся к бензовозу. Лиза спала. Она даже не пошевелилась. Только во сне её лицо разгладилось — кошмар, который ей снился, исчез. Он сел на место достал семечко. Оно светилось в его ладони мягким, лунным светом. Пульсация была ровной и довольной. Оно не выпило из него силы. Оно просто... помогло. Как хороший инструмент. Как надежный замок на двери.

— Ладно, — тихо сказал он ему. — Кажется, мы договорились. Семечко в ответ послало волну тепла, точь-в-точь как от батареи в старой хрущевке. Оно было довольно, что справилось с задачей. А он впервые за всё это время почувствовал себя не жертвой, которая прячется под машиной, а тем самым человеком с форума, который знает, где поставить засаду. Только теперь у него была не фантазия. У него был физический щит в кармане.

Дима сидел до самого рассвета, прислонившись к колесу. Семечко в его кармане пульсировало ровным, сытым теплом. Оно не просто защитило их— оно получило идеальный эмоциональный отклик: страх, мгновенно сменившийся решимостью, и благодарность выжившего. Для него это был деликатес. Дима чувствовал его удовлетворение. Оно больше не было испуганным младенцем. Оно чувствовало себя на своем месте.

Когда небо на востоке начало сереть, Лиза пошевелилась. Сначала дернула плечом, потом тихо, по-детски всхлипнула

во сне. Дима напрягся, положив руку на рукоять ножа, но снаружи было тихо. Ночной гость не вернулся. Она открыла глаза. Секунду просто смотрела в брезентовый потолок, не понимая, где находится. Затем память вернулась. Её тело резко дернулось, она села, подтянув колени к груди, и вжалась в колесо бензовоза. Взгляд метнулся по сторонам, нашел Диму, затем скользнул к его карману.

Она увидела семечко. Он не убирал его в рюкзак — оно лежало на его раскрытой ладони. В утреннем свете оно выглядело обычным, белым, с серебристыми прожилками. Почти безобидным. Лиза замерла. Она не отшатнулась, как вчера. Не начала креститься. Её глаза — огромные, красные от недосыпа — просто стали еще больше. Она смотрела на мою ладонь, потом на мое лицо, потом снова на ладонь.

— Оно... слушалось? — прошептала она.

Голос был хриплым, сломанным. В нем не было паники. Только оглушающая, звенящая пустота.

— Да, — сказал Дима. — Я просто подумал, чтобы он ушел.

Лиза медленно, словно боясь обжечься, протянула руку. Она не коснулась семечка. Она зависла над его ладонью в паре сантиметров.

— В легендах... — она сглотнула. — В легендах Дерево защищало своих. Но оно всегда брало плату. Кровью. Или памятью. Мой брат... когда оно дало ему семечко, он забыл, как выглядит мама. Просто забыл лицо. Дереву нужна была

пустота, чтобы заполнить её собой. Она посмотрела на него. В её взгляде был ужас, но направленный не на Диму и не на артефакт, а на саму несправедливость мироздания.

«— Оно не взяло», — сказала она. — Ты... ты разозлился. Я почувствовала, как воздух стал тяжелым. Я думала, оно раздавит нас обоих, чтобы построить стену. Но... оно просто вытолкнуло его. Как надоедливую муху.

— Оно поняло команду, — ответил Дима сжал семечко в кулаке, пряча от её взгляда. Мне не хотелось, чтобы она смотрела на него как на божество. — Я не хотел твоей памяти. Я хотел, чтобы он убрал свои грязные ботинки от нашего спальника.

Лиза моргнула. Слеза скатилась по её грязной щеке, но на губах появилась слабая, дрожащая улыбка. Впервые с момента нашего знакомства в ней не было страха. Только бесконечное удивление.

— Ты его дрессируешь, — тихо сказала она. — Ты разговариваешь с ним, как с собакой.

— У меня никогда не было собаки, — он пожал плечами, чувствуя, как закоченели плечи. — Только Черныш, но он остался там. Это семечко... оно просто очень хочет быть полезным. Оно как щенок, который принес тебе тапки, только вместо тапок — раздавленный мародер.

Лиза тихо, беззвучно засмеялась. Это был странный звук — смесь истерики и облегчения. Она подтянула к себе спальник, кутаясь в него, и подвинулась ближе, прижимаясь пле-

чом к моему плечу. Теперь она не боялась моего кармана. Наоборот — она инстинктивно тянулась

— Значит, мы не умрем, — констатировала она. Это не было вопросом.

— Не сегодня, — согласился Дима. — Идем. Надо убраться отсюда, пока его дружки не пришли проверять, куда он делся.

Глава 6

Они шли еще три дня. Пейзаж наконец-то перестал быть враждебным. Выжженная глина сменилась бурой, сухой травой. На горизонте показались покосившиеся крыши. Это был старый дачный поселок, брошенный еще до того, как мир сошел с ума. Дома стояли разрозненно, утопая в зарослях одичавшей малины и американского клена.

— Вода, — Лиза остановилась, принюхиваясь. — Я чувствую запах сырой земли. Где-то здесь есть колодец или ручей.

Дима кивнул. Семечко в его кармане пульсировало не тревогой, а спокойным, сытым интересом. Оно тянулось к этому месту. Для него, рожденного в стерильном магазине, запах живой, не отравленной земли был лучшим ароматом.Они выбрали дом на самом краю оврага. Добротный сруб из почерневшего бруса, с резными наличниками, которые каким-то чудом пережили и время, и мародеров.

Забор вокруг участка давно упал, превратившись в труху, но сам дом стоял крепко. Внутри пахло пылью, сухим деревом и запустением. Дима толкнул тяжелую дубовую дверь, и она открылась с протяжным скрипом, от которого Лиза вздрогнула.Внутри пахло сухим деревом, мышами и смертью.

— Никого, — выдохнул Дима, заходя первым. Луч его фо-

наря выхватил из темноты голые бревенчатые стены. — Лет пять, не меньше.

Лиза зашла следом, кутаясь в свою куртку. Она мелко дрожала — не от холода, а от пережитого на площади.

— Дима... — её голос дрогнул. — Мы... мы правда будем здесь жить?

— Это не жизнь, — буркнул он, скидывая с плеч тяжелый рюкзак. — Это передышка. Он прошелся по комнате. Половицы скрипели. В углу стояла печь-буржуйка, ржавая, с дырой в боку.

— Дрова нужны, — констатировал он. — И глина. Много глины. Эту дыру залатать, иначе угорим.

Лиза ничего не ответила. Она стояла посреди комнаты, прижимая к груди старый рюкзак, и её плечи мелко тряслись. Дима посмотрел на неё. На её бледное лицо, на то, как она обхватила себя руками, пытаясь удержать тепло.

— Так, — его голос стал жестким, командирским. — Слушать меня.

Лиза вздрогнула и выпрямилась.

— Сейчас темно. Идти дальше нельзя. Ночью в поле — верная смерть. Мы остаемся здесь.

Он подошел к окну. Выбил прикладом остатки гнилых досок, которыми оно было заколочено. В комнату ворвался холодный вечерний воздух.

— Окна на первом этаже заколотим. Дверь... — он пнул старую створку. — Замок есть, но гнилье. Надо баррикади-

ровать.

Лиза молча кивнула. Она больше не спорила. Она сбросила рюкзак на пол и начала методично, почти механически, собирать сухие ветки, которые Дима наломал по пути и бросил у порога.Они разожгли печь только с третьей спички. Дым сначала пошел в комнату, заставив обоих кашлять, но потом тяга выровнялась. Огонь в буржуйке загудел, пожирая старую сосновую щепу. Это был первый живой звук в мертвом доме.Лиза сидела на перевернутом ведре, обхватив колени. Дима сидел на ящике напротив. Между ними стояла пустота.

— У нас ничего нет, — тихо сказала она, глядя в огонь. — Ни ложки. Ни миски. Ни одеяла. Если ночью будет минус, мы окочуримся.

— У нас есть нож, — ответил Дима. — И голова.

Он смотрел на пламя, но видел чертежи.

— Завтра, — сказал он, не глядя на неё. — На рассвете. Мы идем в поселок. Лиза подняла голову. В её глазах мелькнул страх.

— Там мародеры.

— Там дома, — отрезал Дима. — Дома, которые стоят пустые. Нам нужны стекла. Нам нужны одеяла. Нам нужна нормальная посуда, а не консервные банки.

Он перевел взгляд на неё.

— Я пойду в дома. Буду искать хабар. Ты... — он на секунду замялся, подбирая слова. — Ты будешь сортировать.

И следить, чтобы я не сдох от усталости.

Лиза смотрела на него долго. Смотрела так, как смотрела там, на площади, когда он убил человека. Но сейчас в её взгляде не было ужаса. Только бесконечная, звенящая пустота.

— Хорошо, — наконец кивнула она. — Что ищем первым делом?

— Оружие, — Дима вытащил свой нож и положил его на стол. Лезвие тускло блеснуло. — Еду. Одеяла. И аптечку. Если кто-то из нас подвернет ногу или схватит воспаление — мы трупы.

Лиза сглотнула. Она встала, подошла к нему. Встала между его коленями, заставляя посмотреть на себя.

— А если они придут? — прошептала она. — Мародеры. Ночью.

— Мы услышим, — Дима положил свою тяжелую, измазанную в мазуте руку поверх её ледяных пальцев. — Я не сплю. Я слушаю.

Он не врал. Он сидел на ящике до самого рассвета, прислонившись спиной к холодной стене. Печь гудела. Пахло хвоей и вареным мясом — Лиза нашла в шкафу банку тушенки и разогрела её на лезвии ножа. Дима смотрел на Лизу. На её лицо, наконец-то оттаявшее, без теней под глазами.

— Спи, — сказал он. — Я покараулю.

Лиза не стала спорить. Она свернулась калачиком на своем ящике, завернувшись в старую шторку, которую нашла

в шкафу, и мгновенно провалилась в тяжелый, медикаментозный сон. Дима остался сидеть в темноте. Он смотрел на пляшущие тени на стене. Он не был героем. Он не был инженером. Он был просто грязным мужиком с ножом, который пытался не дать своей женщине сойти с ума. Но когда он смотрел на неё, спящую в этой ледяной, промерзшей коробке, он чувствовал не страх. Он чувствовал цель.

Первые сутки они потратили на то, чтобы просто сделать дом пригодным для дыхания. Лиза нашла в сарае старые, мутные, но целые стекла. Пока Дима выдирал гнилые доски, которыми были заколочены окна, она мыла их, используя золу из будущей печи и найденную в шкафу газету. В доме сразу стало светлее. Железная буржуйка в углу была ржавой, но целой.

Дима, используя монтировку как рычаг и найденный в сенях лист жести, залатал дыру в дымоходе. Когда он впервые растопил её сухими дровами из поленницы, дым пошел в трубу, а не в комнату. Лиза села на корточки перед открытой дверцей и просто смотрела на огонь полчаса, не мигая.

За домом, в зарослях крапивы, они нашли колодец. Сруб подгнил, но ведро на цепи было на месте. Вода оказалась ледяной и сладкой. Дима починил ворот, смазав его машинным маслом из маленькой фляжки, которую нашел в кармане штанов прежнего хозяина.Это была самая тяжелая часть. Они вынесли во двор три мешка старого тряпья, которое кишело мертвой молью.

Лиза нашла в подполе мешок с содой и ведро с известью. Она выскребла полы ножом до светлого дерева, а потом засыпала их содой, чтобы вытянуть сырость. Дима, чертыхаясь, латал крышу, меняя гнилые доски на стропилах — пригодились доски от старого сарая.

На третий день Дима нашел в сарае настоящую сокровищницу: старый, но рабочий моток медной проволоки, набор инструментов и, главное — велосипед. Рама была ржавой, шины — гнилыми, но подшипники в колесах были в порядке. Он чинил его два дня. Вываривал цепь в масле, правил "восьмерки" на колесе, используя его же ось как рычаг. В сарае, под слоем пыли, он нашел то, что искал — детскую коляску. Вернее, её ржавый, лишенный ткани остов. Колеса были спущены, но подшипники целы.Он потратил час.

Он снял колеса с детской коляски и с помощью гаечных ключей насадил их на заднюю ось велосипеда вместо родного колеса, используя ось самой коляски как удлинитель. Конструкция получилась широкой и шаткой, но она стояла. Он отломал от коляски П-образную ручку. Используя монтировку как рычаг и найденную в доме медную проволоку, он намертво примотал ручку коляски к стойке багажника велосипеда.Теперь у него был не велосипед, а трехколесный гибрид. Два колеса сзади (от коляски) обеспечивали устойчивость для груза, а одно переднее — управляемость.

— Если, что нас разбудит сиреной, — сказал он Лизе, вытирая черные от смазки руки, — я смогу сгонять до трассы и

обратно за час. Дима подошел к ремонту сарая с мрачной основательностью человека, привыкшего чинить то, что проще выбросить.

Сарай встретил его запахом мокрой пыли и гнилого дерева. Крыша в углу провалилась, пропуская косой столб света, в котором танцевали пылинки. Он не стал латать старый шифер. В углу сарая он нашел увесистый рулон рубероида, тяжелый и пахнущий гудроном. Дима залез наверх, сбросив вниз прогнившие доски. Солнце раскалило металл крыши так, что ладони жгло даже через плотные перчатки. Он работал методично: раскатывал черный рулон, прибивая его широкими, ржавыми гвоздями через деревянные рейки, чтобы ветер не задрал края.

К полудню сарай покрылся новым, блестящим на солнце черным панцирем. Внутри он выгреб лопатой мусор и мышиные гнезда. Земляной пол он выровнял, притащив три ведра сухой глины и песка, и утрамбовал их тяжелым бревном, найденным у забора. Стены он укрепил, приколотив к брусу листы старого ДСП, которые снял с соседского сарая. Теперь внутри пахло не тленом, а сухим деревом и пылью — запахом надежности. Дима нашел в сарае тяжелый молоток-кувалду и моток колючей проволоки.

— Мы не будем их держать снаружи, — сказал он Лизе, примеряясь к покосившемуся бетонному столбу. — Мы заставим их бояться звука.

Он работал до темноты. Он не просто натягивал прово-

локу. Он вбил в землю дополнительные колья, скрутил растяжки, чтобы создать "звенящую зону" в три метра шириной. Проволоку он натягивал не до звона, а до низкого, басовитого гула. На нижний ряд, у самой земли, он густо навязал пустые консервные банки. Любой, кто сунулся бы к дому ночью, поднял бы такой грохот, что мертвого разбудил. Это была не стена. Это была сигнализация, работающая на законах физики и панике.

Глава 7

Дом встретил их запахом сухой пыли и мышеного помета. Дима методично, метр за метром, обшаривал стены.

— Окна, — бросил он, проводя лезвием ножа по щелям в бревнах. — Одинарные. Тянет. Надо забивать.

— Я нашла одеяла, — голос Лизы из спальни прозвучал глухо. — Три штуки. Но все в рыжих пятнах. Моль съела.

— Бери. Выстираем в кипятке. Нам не до брезгливости.

Дима методично простукивал стены костяшками пальцев, слушая звук. Пустота. Пустота за пустотой.

— Кухня, — буркнул он, входя в смежную комнату.

Здесь пахло прогорклым жиром и мышами. Дима открыл старый буфет. Дерево протестующе заскрипело. Пусто. Только засохший таракан на полке.

— Пусто.

Он уже собирался уходить, когда его взгляд зацепился за пол. Линолеум в углу, у мойки, топорщился.

— Здесь, — Дима присел на корточки. Он поддел край линолеума лезвием ножа. Дерево под ним было влажным. — Подпол, — констатировал он. — Но люка нет. Сняли.

Он посветил фонариком в черную дыру. Глубина — метра полтора.

— Спущусь, — сказал он Лизе. — Подай нож.

Лиза подошла, протягивая клинок. Её рука дрожала.

— Осторожно. Там внизу...

— Знаю, — он сунул нож за голенище и спрыгнул вниз.

Внизу пахло сырой землей, картошкой и мышами. Дима повел лучом. Стены обшиты деревом. Сухо. Он провел ладонью по земляному полу.

— Глиняный замок, — прошептал он с уважением. — Хозяин знал толк.

В углу, под слоем старой мешковины, стояли ящики. Дима откинул брезент. Его сердце пропустило удар.Это были не просто ящики. Это были фруктовые ящики. Тяжелые, сбитые из дюймовой доски. А внутри... Дима вытащил один.

Лук. Крупный, золотистый, в сухой шелухе.

— Десять кило, — выдохнул он. — Как минимум.

Он перешел к следующему. Чеснок.Крупные, белые головки.

— Полмешка.

Лиза свесилась в люк, глядя вниз.

— Дима... там что-то еще.Он подошел к дальней стене. Там, прислоненный к лазу, стоял предмет, накрытый старым ватным одеялом. Дима сдернул ткань. Это был верстак. Настоящий, слесарный, сваренный из швеллера. На нем, в специальных зажимах, покоились инструменты. Дима провел рукой по стали.

— Тиски, — прошептал он благоговейно. — Слесарные. Тяжелые. Рядом лежал штангенциркуль. И молоток. Не кухонный, а тяжелая кувалда.

— Лиза, — позвал он, и голос его дрогнул. — Иди сюда.

Она спрыгнула в подвал, подняв облачко пыли.

— Смотри.Дима указал на дальний угол, заставленный старыми флягами. — Керосин, — он отвинтил крышку одной из бочек. — Полбочки. Чистый.

Лиза опустилась на колени. Она не смотрела на хабар. Она смотрела на Диму.

— Откуда... — прошептала она. — Откуда в брошенном доме... такое?

— Люди бежали в панике, — Дима провел рукой по верстаку. — Они брали золото, консервы, дробовики. Они не брали верстак. Слишком тяжелый. Слишком бесполезный, когда за тобой гонится толпа.

Он взял в руки молоток. Примерился к рукояти.

— Это не хабар, — сказал он, и в его голосе впервые за долгое время появилась твердость. — Это база.

Лиза подошла к нему. Она не обнимала его. Она просто встала рядом, глядя на верстак, на ящики с луком, на бочки с керосином.

— Мы не сдохнем здесь, — тихо сказала она. — Зимой.

— Нет, — Дима положил молоток на стол. — Зимой мы будем строить.

Он подошел к лестнице, ведущей наверх. Выглянул наружу. Солнце уже садилось, окрашивая небо в тревожный багровый цвет.

— Мы не выживальщики, Лиза. Мы — правительство.

Он закрыл крышку погреба, и тяжелый лязг дерева о дерево прозвучал как точка. Осада была снята. Война за выживание закончилась. Начиналась война за империю.

Прошло несколько дней Дима стоял на коленях в сарае, затягивая последнюю гайку на колесе "Тачки-2".

— Готово, — прохрипел он, вытирая пот. — Подшипники не греются. Лиза вышла из дома, вытирая руки о фартук. В другой руке она держала блокнот, который нашла в столе врача.

— Я закончила с инвентаризацией, — сказала она будничнo, словно они были на даче. — Соль — пять кило. Спички — три коробка. Свечи — две штуки. Это на три дня, если жечь только по вечерам.

Дима разогнулся, разминая затекшую спину. Он посмотрел на свои ладони. Мозоли, которые он набил вчера, вскрывая гнилые полы, превратились в жесткие щиты.

— С водой что? — спросил он, кивая на бочку под водостоком.

— Полная.

—Желоба починил?

— Приколотил. Теперь не зальет. — Дима подошел к ней, забрал блокнот.

— Слушай. Мы сидим здесь уже четвертый день. Мы сожгли четверть дров. Мы сожрали ящик тушенки.

Лиза напряглась. Она знала этот тон. Тон "перед броском".

— Куда? — спросила она.

— Соседи, — Дима ткнул карандашом в сторону поселка. — Вчера мы взяли только крайний дом. Там было пусто. Но следующий... — он кивнул на соседний сруб, крыша которого провалилась лишь наполовину. — Там дым из трубы не шел.

Значит, хозяева ушли в спешке. Лиза посмотрела на дом. Ставни заколочены, но дверь... дверь висела на одной петле.

— Там может быть "Кордон", — тихо сказала она.

— В таких норах "Кордон" не живет, — Дима покачал головой. — Там живет пыль.

И хабар. Он подошел к "Тачке-2", прислоненной к стене. Погладил сварной шов на раме. — Мы берем "Тачку". Берем "Тачку", потому что она шумит. Если там кто-то есть, мы просто проедем мимо. Если пусто — мы берем всё.

Лиза посмотрела на их "Ноев ковчег". На ржавые колеса, на каркас из арматуры, на ящик с инструментами, привязанный к борту.

— Что ищем? — деловито спросила она, превращаясь из напуганной беженки в квартирмейстера.

— Стекло, — Дима ткнул в список карандашом. — Нормальное стекло. Не пакеты. Одеяла. Шерсть. И... — он замялся. — Зеркало.

— Зачем? — Лиза подняла бровь. — Я хочу видеть, что у меня на спине, когда я буду латать крышу, — буркнул он. — И я хочу, чтобы ты видела свое лицо. Ты женщина, а не тень.

Лиза фыркнула, но в глазах её потеплело. Она подошла к верстаку, взяла тяжелый молоток-кувалду и взвесила его в руке.

— Хорошо, — сказала она. — Но если ты найдешь зеркало в полный рост, я заставлю тебя тащить его на себе до самого дома.

Дима усмехнулся, проверяя натяжение цепи.

— Как прикажете, Ваше Величество.

Они вышли через час. "Тачка-2" скрипела, но катилась ровно. Дима тянул лямки, Лиза шла рядом, держа наготове монтировку. Они шли мимо мертвых домов. Дима смотрел не на фасады, а на крыши.

— Шифер гнилой, — бормотал он. — Стекла выбиты. Рамы целы.

Они остановились у дома с синими наличниками. Ставни были заколочены наспех — криво, крест-накрест.

— Этот, — сказал Дима. — Ставь "Тачку" под окно. Если услышишь что-то — бей в рельс. Три удара.

Лиза молча кивнула, перехватывая монтировку поудобнее. Дима обошел дом. Фасад был выбит, всё ценное вынесено. Но Дима шел не в дом. Он направился к сараю.

— Тут всегда есть "тайная комната", — пробормотал он, сбивая навесной замок одним точным ударом монтировки.

Внутри пахло сухой пылью, мышами и... консервацией. Дима посветил фонариком в угол.

— Джекпот, — выдохнул он.

Вдоль стены стояли стеллажи. Но не с соленьями. На полках лежали плотные, бумажные мешки. Дима надорвал один. Желтая, крахмалистая, сухая картошка. Рядом — сетки с луком и чесноком.

— Семенной фонд, — сказал он Лизе. — Хозяин был умным.

Лиза уже тащила мешок к двери.

— Тяжелый, — прохрипела она. — Килограмм двадцать.

— Тащи. Это наша зима.

Но настоящим сокровищем оказался не сарай.

— Погреб, — Дима посветил в пол.

Крышка люка была замаскирована старым ковриком.

— Лиза, свети мне.

Он поддел монтировкой тяжелую, обитую дермантином крышку. Из черного провала пахнуло холодом. Настоящим, глубоким погребным холодом. Дима спустился по лестнице.Лиза светила сверху. Это был не просто погреб. Это был бункер. Стены обшиты деревом, на полу — деревянный настил. Температура здесь держалась около десяти градусов даже в нынешнюю жару.

— Вот почему они не взяли это, — прошептал Дима.

В углу, под деревянными поддонами, стоял цельнометаллический армейский ящик окрашенный в зеленый цвет. Замок был сбит, но крышка плотно прилегала. Дима откинул её.Внутри, каждая в своей ячейке, в густой технической смазке, лежали банки.

—Тушенка —Лиза спрыгнула вниз, забыв про осторожность. — Чистая. Не сгнила.— Высший сорт, — Дима достал одну, стер грязь.

— Масло. Моторное, но светлое.

Он пошел дальше, светя в темные углы.

— Лиза. Иди сюда.За ящиками с картошкой, прикрытые брезентом, стояли две канистры по двадцать литров.

— Дизель? — Лиза понюхала.

— Нет. Бензин. Чистый. — Это топливо для ламп, — Дима постучал по металлу. — Оно горит без копоти.

Лиза стояла посреди этого богатства, и её глаза блестели в свете фонаря ярче, чем от слез вчера.

— Дима... — прошептала она. — Мы богачи. Мы теперь богаче, чем все мародеры в этом лесу.

Дима не ответил. Он методично, как робот, начал выгружать добычу. Сначала они вынесли ящик с тушенкой и канистры. Тяжелый груз лег на платформу "Тачки" между задними колесами, идеально сбалансированный. Затем — мешки с картошкой. Они заполнили кузов до бортов.Когда они закончили, "Тачка-2" просела под тяжестью, но стояла твердо.

— Если мы сейчас встретим кого-то по дороге, — сказал Дима, закрепляя последний мешок ремнями, — мы не сможем убежать. Слишком тяжело.

— Значит, не встречаем, — Лиза вытерла перепачканные смазкой руки о штаны. — Мы идем домой, инженер. У нас полно работы.

Дима кивнул. Он посмотрел на Лизу. На её перепачканное сажей и землей лицо, на её руки, уверенно затягивающие узел.

— Мы сделаем это за два дня, — сказал он, глядя на детали, разложенные на верстаке в свете фонаря. — Если будем работать посменно.

— Ты будешь работать, — поправила Лиза, доставая из кармана семечко и пряча его в домик на подоконнике. — А я буду подавать тебе ключи. И следить, чтобы ты не отрубил себе пальцы.

Семечко, оставленный в куртке на гвозде, пульсировал ровно и тепло. У его человека теперь была не просто защита. У него была команда. Дом пах хвоей, горячим металлом и вареной картошкой. Это был запах безопасности, настолько плотный, что его, казалось, можно было потрогать.

Глава 8

Они перетаскали хабар от врача в свой дом только к середине дня. Дима, прислонившись к стене, тяжело дышал.

— Всё, — прохрипел он. — Сегодня ящики больше не таскаем. Спина не железная.

Лиза стояла посреди комнаты, оглядывая их владения. У них была еда. У них была вода. У них была аптечка, способная вытащить с того света. Но они всё еще жили в пещере.

«— Мы сидим на ящиках», — сказала она, пнув перевернутое ведро, которое служило им табуретом. — Спим на матрасе на полу. Если мы не найдем нормальную мебель, мы к зиме станем инвалидами. У тебя уже спина трещит.

Дима потер поясницу.

— Куда? — спросил он. — В поселке мародеры. В дома соваться — пулю словить.

— Есть дома, куда они не заходят, — Лиза подошла к карте, которую Дима нарисовал углем на куске фанеры. — Смотри.

Она ткнула пальцем в район "Сталинок" — старых двухэтажных домов на окраине.

— Там жили старики. Инженеры, учителя. У них не было золота, чтобы его прятать. У них были шкафы. И диваны. Мародеры забирают золото и консервы. Шкаф из дуба весом в триста кило им не нужен. Его не сожжешь, не утащишь. Он

им бесполезен.

Дима посмотрел на чертеж.

— "Сталинки", — повторил он. — Стены толстые. Перекрытия бетонные.

— И подвалы, — добавила Лиза. — Сухие.

Они шли молча. "Тачка-2" скрипела, но катилась ровно. Дом, который выбрала Лиза, выглядел мертвым даже среди мертвых. Облупившаяся краска, окна с выбитыми нижними стеклами, заросший бурьяном палисадник.

— Здесь, — сказала она. — Третий подъезд, второй этаж.

Замок на двери подъезда был сорван с мясом.

— Ящер? — спросил Дима.

— Нет, — Лиза покачала головой. — Старость. Петли сгнили.

Они поднялись на второй этаж. Дверь квартиры была приоткрыта. В нос ударил запах сухой пыли, старых газет и... **лаванды**. Сушеные пучки травы всё еще висели на кухне над плитой.

— Хозяева просто ушли, — тихо сказала Лиза. — Или умерли здесь.

Они вошли в гостиную. Она была пуста. Совсем. Ни дивана, ни стола, ни стульев. Только голый паркет и крюки на стенах, где когда-то висели ковры. Мародеры вынесли всё, что можно было сжечь или продать.

— Пусто, — выдохнул Дима.

— Смотри на пол, — Лиза присела.

Она провела рукой по доскам. В одном месте паркет вздулся.

— Здесь стоял тяжелый шкаф. Они его отодвинули, чтобы проверить плинтусы на тайники. Но сам шкаф... — она подняла голову и посмотрела в сторону кухни. — Они его не взяли. Он не пролез в дверь.

Дима прошел в кухню. Там, загораживая выход на балкон, стоял **гигант**. Дубовый, трехстворчатый, до самого потолка. Резные панели, тяжелые латунные ручки. Он был слишком широк. Мародеры пытались его вытащить, поцарапали косяки, но бросили.

Дима провел рукой по дереву.

«— Это не мебель», — сказал он. — Это архитектура.

Он попробовал открыть дверцу. Заперто. Он не стал сбивать замок. Он просто достал монтировку и поддел тяжелую дубовую панель снизу. Петли, проржавевшие от времени, со скрипом отлетели.

Дима заглянул внутрь. Запах нафталина и шерстяной пыли. На плечиках висели пальто. Внизу, в ящиках — стопки постельного белья. Желтевшего от времени, но целого.

— Лиза, — позвал он. — Иди сюда.

Она подошла. Заглянула через его плечо.

— Это... это всё наше? — прошептала она.

— Это наше тепло, — Дима начал вынимать рулоны ткани. — Шерсть. Ватин.

Он перешел в спальню. Там, прислоненная к стене, стояла

кровать. Железная, с панцирной сеткой и набалдашниками в виде шаров.

— Слишком тяжелая, — Дима пнул раму. — Но сетка... Сетку мы снимем. Сделаем сито. Или гамак.

Он прошел вглубь комнаты. И замер.

В углу, за дверью, стояло то, ради чего они пришли. Диван. Огромный, обтянутый потрескавшимся рыжим кожзаменителем. Он был чудовищно тяжелым.

«— Мы его не утащим», — сказал Дима.

— Мы его разберем, — Лиза уже доставала свой нож с широким лезвием. — Ножницы есть. Обивку — в мешки, на тряпки и стельки. Поролон — на матрас. Каркас... — она провела рукой по дереву. — Бук. Красное дерево. Мы пустим его на полки. Или на новую дверь.

Дима смотрел на неё. На то, как она, еще вчера дрожавшая от каждого шороха, теперь планомерно, как хирург, планировала разделку гигантского монстра.

— Ты страшный человек, Лиза, — усмехнулся он.

— Я выжившая, — ответила она, не отрываясь от дела. — Бери нож. Режем по шву.

Они вышли из дома, когда начало темнеть. Они не тащили хабар в руках. Дима катил "Тачку-2", на которой, привязанные веревками, лежали: Дубовые дверцы от шкафа. Рулоны шерстяной ткани и поролона. Панцирная сетка от кровати. Мешок с латунными ручками и петлями.

Лиза шла рядом, неся на плече узел с подушками и оде-

ялами.

«— Мы богачи», — сказала она, пнув камешек.

— Мы нищие, — Дима налег на лямки. — Но у нас есть дом.

Когда они вкатили "Тачку" во двор своего убежища, уже совсем стемнело. Дима сбросил груз на крыльцо.

«— Сегодня спим на полу», — сказал он. — Завтра... завтра я соберу тебе кровать. Настоящую. С сеткой. Чтобы спина отдыхала.

Лиза ничего не ответила. Она просто прислонилась к его плечу, глядя, как их трофеи лежат на земле. Это были не просто вещи. Это был каркас их будущей жизни.

Рассвет окрасил стены в цвет старого меда. Дима уже был на ногах. Вчера они просто свалили хабар в углу. Сегодня дом должен был измениться.

Дима работал в сарае. Визг ножовки по дереву резал утреннюю тишину. Он распиливал дубовую дверцу от шкафа, которую они притащили вчера.

— Стекло, — бормотал он, смахивая опилки с лица. — Лиза нашла в доме врача коробку с штапиком.

Он работал методично. Сначала рама. Потом — замазка (Лиза варила её из олифы и мела на печи). Когда он вставил первый настоящий стеклянный квадрат вместо мутного пакета, комната мгновенно изменилась. Она перестала быть берлогой. Она стала комнатой.

Лиза не спала. Она сидела за столом, который они сколо-

тили из ящиков, и воевала с трофеями. Перед ней лежала гора шерстяной ткани, поролона и панцирная сетка. Она распорола кожаную обивку старого дивана. Под ней оказался наполнитель — морская трава, сгнившая от сырости. Лиза безжалостно выбросила её в костер.

Она взяла поролон, найденный внутри диванных подушек.

— Это будет матрас, — сказала она, когда Дима вошел с улицы, неся раму будущей кровати. Она сшивала куски ткани толстой сапожной иглой. Движения были резкими, точными. Она не шила платье. Она строила броню от холода.

— Сетка слишком широка, — Дима бросил дубовый брус на пол. — Выпирает.

— У нас есть кусачки, — Лиза кивнула на ящик с инструментами врача. — И изолента. Она уже обрезала лишнее и стянула края сетки, примотав их к раме.

Они собрали кровать прямо посреди комнаты. Дубовые ножки от старого шкафа, стянутая сеткой рама. Дима положил сверху лист фанеры, найденный в сарае. Лиза торжественно, как флаг, развернула новый матрас. Толстый, пружинистый, пахнущий хвоей и заводской смазкой.

— Ложись, — сказала она, вытирая пот со лба.

Дима сел. Потрогал пружины.

— Я забыл, как это, — пробормотал он. — Когда под спиной не камни.

Он лег, закинув руки за голову. Кровать не скрипнула.

Дуб держал вес. Лиза села рядом, свесив ноги.

— Теперь ты — граф, — усмехнулась она. — Граф Дима из Ржавой Крепости.

— А ты — графиня, — он потянул её за рукав, заставляя лечь рядом. — Без графской кровати графиня не считается.

Запах жареного мяса снова наполнил дом. Но теперь это пахло не выживанием, а домом. Лиза нашла в шкафу врача эмалированные миски и алюминиевые вилки.

— Тарелки, — она поставила их на полку, которую Дима сколотил из остатков дубовой двери. — Мы больше не будем есть тушенку из банки, согнувшись в три погибели.

Она нашла старый рукомойник. Медный, помятый, но целый.

— Дима, вода. Он вышел, притащил канистру. Установил рукомойник в углу. Т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.